

Александр Владимирович Попов был последним и бессменным председателем Архивной комиссии с 1903 года. О широте научных интересов А.В. Попова можно судить по материалам его личного фонда (№ 168), а также Ф. 96 (ОУАК), хранящихся в Государственном архиве Оренбургской области (ГАОО). Он был лично знаком с видными российскими учёными и вёл с ними обширную переписку. Письма председателя Архивной комиссии академикам-востоковедам В.В. Бартольд и С.Ф. Ольденбургу, археологу и этнографу С.А. Руденко, антиковеду и археологу М.И. Ростовцеву, историку С.Ф. Платонову, председателю Союза русских архивных деятелей А.С. Лаппо-Данилевскому были обнаружены автором в ГАОО, а также в архиве РАН, Государственном архиве РФ (ГАРФ), Отделе

рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ) в СПб и др. Оренбургский краевед обсуждал с ними проблемы истории, археологии, востоковедения, охраны памятников. Неизменно отвечал на запросы учёных, выполнял их просьбы, стремясь принести практическую пользу отечественной науке.

Неоценимую роль сыграл А.В. Попов в подготовке к публикации последней книги М.И. Ростовцева (члена ОУАК с 1915 года), изданной в России в 1918 году — уже после эмиграции учёного. Её источниковой базой стали так называемые «Прохоровские клады», найденные под Оренбургом. К чести Ростовцева, следует заметить, что в предисловии он выразил благодарность председателю Оренбургской комиссии за помощь в подготовке издания. В своих письмах к нему он неизменно обращался: «многоуважаемый Александр Владимирович».

Председатель ОУАК, в свою очередь, стремился использовать покровительство авторитетных деятелей науки для решения неотложных организационных задач краеведения в Оренбурге. В апреле 1917 года при Министерстве просвещения была создана Комиссия по учёным учреждениям под руководством В.И. Вернадского, состоящая из академиков. В ГАРФе было обнаружено свидетельство того, что Комиссия проявила заботу и об ОУАК. Летом 1917 года было

принято решение о выделении ей денежной субсидии на предстоящий 1918 год в размере трёх тыс. руб. Как видно из справки к смете, расчёт сумм производился «на учёные предприятия». В смету были включены самые авторитетные научные общества и перспективные проекты, такие, как Астрономический Союз, Общество испытателей при Казанском университете, Северо-Двинские раскопки и др. Оренбургская комиссия была единственной ГУАК в списке.

Непосредственную роль в принятии данного решения, как свидетельствуют документы ГАОО, сыграли Непременный секретарь АН С.Ф. Ольденбург (почётный член ОУАК с 1914 года) и М.И. Ростовцев, ставший академиком в апреле 1917 года. В своём письме к А.В. Попову он сообщал: «Вчера в Комиссии по учёным учреждениям, членом которой я являюсь, докладывалось Ваше письмо на имя С.Ф. Ольденбурга о предоставлении субсидий ОУАК на ближайший год. Рад, что нахожусь в составе Комиссии, в которой я один был вполне осведомлён о деятельности ОУАК и её музея (выделено мной — Т.Т.) Потребную сумму решено внести в кредит, испрашиваемый на 1918 год, о чём мне поручено было Вам передать».

Накануне войны А.В. Попов со своими коллегами ставили вопрос о передаче под архивохранилище здания гауптвахты,

специально построенного в 1856 году для архива, но занятого военным ведомством. Местные власти оставались глухи к этим просьбам. Своё содействие обещал оказать известный историк С.Ф. Платонов, с которым А.В. Попов встретился на съезде архивных комиссий в мае 1914 года. Рассказ Попова о работе съезда приведён в одном из протоколов ОУАК. В своей приветственной речи академик Платонов сказал тогда: «История питается корнями из провинции». Однако в письме от 22 октября 1914 года председатель ОУАК счёл нужным сообщить, что вынужден отказаться от его помощи, так как «разразилась война, и теперь, конечно, «все внутренние недоразумения», особенно с военным ведомством должны быть оставлены».

Александр Владимирович Попов был талантливым организатором работы Архивной комиссии, истинным подвижником краеведения. Именно благодаря ему столь высок был её общественный статус и авторитет в научном мире. Первая мировая война и революционные события не позволили осуществить многие из намеченных мероприятий и, в первую очередь, относительно музея и архива, а в 1919 году Губернские архивные комиссии были упразднены.

До недавнего времени не были известны обстоятельства жизни А.В. Попова в Оренбурге в 1917-1918 гг. — периоде

пятикратной (по январь 1919 г.) смены властей в крае и начавшейся гражданской войны. Между тем, именно этот период был и самым драматическим, и одним из наиболее значимым для определения той роли, которую он сыграл в оренбургском краеведении. По отрывочным и разрозненным сведениям, собранным в ГАОО и центральных архивах, мы попытались восстановить два последних года деятельности А.В. Попова на посту председателя ОУАК.

В 1917-1918 гг. за архивы шла ожесточённая борьба как в столицах — Москве и Петрограде, так и на местах. Архивисты проявили тогда «трогательный архивный героизм», по выражению академика А.Е. Преснякова, спасая ценные документальные фонды. Сразу же после Февральской революции А.В. Попов активно включился в работу по сохранению исторических и культурных ценностей. Однако главные его усилия были направлены на спасение оренбургских архивов. Задачу, поставленную перед ОУАК в 1887 году, пришлось решать дважды.

Особое беспокойство вызывала у него судьба архива бывшего жандармского управления. Как известно, после ликвидации III Отделения министр-председатель Временного правительства князь Г.Е. Львов передал документы Третьего отделения, а также Департамента полиции в Академию наук «на вечное хранение» и

«для общего пользования в близком будущем». (Эти документы стали основой формирующегося «Архива революции» и впоследствии составили основной фонд ЦГАОР СССР — ныне ГАРФ). Соответственно, как полагал А.В. Попов, губернские жандармские архивы должны были быть переданы местным научным обществам.

Вместе с правителем дел ОУАК А.П. Гра они неоднократно обращались к губернскому комиссару Временного правительства Н.В. Архангельскому с требованием передать архив в Комиссию, подчёркивая значение его для науки. Однако эти шаги были безуспешными.

Вскоре после утверждения власти Дутова — в начале ноября (число неразборчиво) Попов вновь обратился к Архангельскому, надеясь, очевидно, на помощь новой власти. Он просил gubernского комиссара оказать «содействие к получению означенного архива для вечного хранения в Центральном историческом архиве». В ответе Архангельского от 16 ноября содержалась противоречивая информация. Губернский комиссар писал, что сведений об архиве жандармского управления у него нет, и поэтому он лишён возможности помочь. Но в то же время сообщал, что документы означенного архива должны быть направлены для разбора в Особую Комиссию при Оренбургском окружном суде, делая при этом

весьма сомнительную ссылку на соглашение, состоявшееся между министерствами — военным, юстиции и внутренних дел.

Как сообщал далее Архангельский, после разбора Особой Комиссией этот архив подлежал разделу: «сдаче частью в Архив Окружного суда, частью, в распоряжение Военного начальника и частью — в Интендантское Управление». Над архивом gubernского жандармского управления нависла реальная угроза расформирования. В результате он понёс определённый урон, и впоследствии только часть его А.В. Попову удалось обнаружить — «подобрать» — как он пишет, в помещении Караван-Сарая. Для справки следует указать, что сегодня фонд Жандармского управления ГАОО — Ф. 21 насчитывает 1437 ед. хр.

В целом, правительству Дутова было не до сохранения памятников прошлого. Не встречало у него сочувствия и то бедственное положение, в котором оказалась Архивная комиссия поздней осенью 1917 года. Отсутствие средств, топлива создавало практически невыносимые условия для работы и хранения документов. Неоднократно А.В. Попов обращался к новым местным властям с просьбой выделить дрова, причём указывал минимальное количество кубометров. Тем не менее, неизменно встречал отказ, мотивированный необходимостью снабжения топливом других — более важных учреждений.

А между тем А.И. Дутов состоял действительным членом ОУАК с 1915 года и накануне революции даже входил в состав комиссии по организации нового здания для архива.

Приход в Оренбург большевистских частей в январе 1918 года поверг председателя ОУАК в шок. По его свидетельству, книги библиотек сжигались красногвардейцами и матросами для отопления занимаемых помещений. Ими были разграблены музеи и библиотеки Военного кавалерийского училища, Военного и Общественного собраний, полков — Рымникского и Ларгокагульского, Епархиального училища и др.

Имели место факты и ничем немотивированного вандализма.

Так, например, 18 января 1918 года было «ободрано вернувшимися большевиками» чучело тигра, находившееся в штабе Оренбургского казачьего войска (ОКВ). Пометка об этом факте сделана на документе рукой А.В. Попова. Следует заметить, что это был уникальный экспонат животного мира Оренбургского края XIX века (Казакстана). Интересна и история чучела — она связана со временем В.А. Перовского и рассказана в воспоминаниях И.Ф. Бларамберга.

В этих условиях А.В. Попов, а также А.С. Лазов — последний правитель дел ОУАК — были единственными защитниками культурных и исторических ценностей. Лично А.В. Поповым

были собраны остатки предметов старины и знамёна из музея Войскового штаба, Знаменной избы и здания Войскового правления и переданы в музей ОУАК. Остатки библиотеки и музея Рымникского полка (книги, оружие, уборы) были им «отобраны от Красной армии», как он пишет, и перевезены в здание Губернской земской управы.

Особой «революционностью» отличался сводный морской Северный (летучий) отряд под командованием мичмана С.Д. Павлова. К этому времени бывшие моряки линкоров «Андрей Первозванный», «Петропавловск», «Гангут» уже имели опыт сухопутной войны за советскую власть. Часть матросов участвовала в ликвидации ставки Духонина. Ещё раньше — в марте 1917 года — команды именно этих кораблей, следуя приказу № 1, расстреляли собственных офицеров в Гельсингфорсе. Направленный из Петрограда по распоряжению Совнаркома отряд имел чрезвычайные полномочия.

Определённый интерес в этой связи представляет документ, хранящийся в фондах научного архива Оренбургского областного краеведческого музея (ООКМ) — «Воспоминания участника гражданской войны 1918—1921 гг. И.И. Карпухина о сводном морском Северном отряде под командованием Павлова» (1967 год). Карпухин пишет, что он представлял собой не просто воинский эшелон. По пути

следования отряд активно вмешивался «в местные дела, оказывал помощь органам Советской власти». В городах, занимаемых павловцами, проводились поголовные обыски. Так, 20 января 1918 года, по воспоминаниям Карпухина, «весь день и всю ночь происходила в Оренбурге поголовная проверка населения города и предместья ... на расстоянии окружности 30 вёрст... Захвачено много всякого имущества». Приводится также текст телеграммы, отправленной Павловым в Петроград по прибытию в Оренбург: «Завтра начинаем поголовные обыски».

Важно отметить, что матросы не несли никакой ответственности за мародёрство, неизбежное в данных обстоятельствах. Так, в приказе Павлова о переходе власти в г. Троицке в руки Совета рабочих и солдатских депутатов — «Всем гражданам Троицка» (8 января 1918 года) содержалось предупреждение: «За производство самочинных обысков, конфискаций и реквизиций или учинение насилий над гражданами под видом (выделено мной — Т.Т.) солдат или матросов Революционный отряд виновным будет применять скорый и строгий суд вплоть до расстрела». То есть суду подлежали не сами матросы, замеченные в мародёрстве, а те лица, которые будут производить «реквизиции» под видом участников отряда. На отряд же распространялась

своеобразная презумпция невиновности.

Отправляясь в обратный путь 4 февраля, моряки увозили в Петроград, как вспоминает Карпухин, вагоны с хлебом. Очевидно, что там был не только хлеб. Вот почему председатель ОУАК, описывая разграбления библиотек и музеев, неизменно упоминал матросов. На эти действия Летучего отряда Оренбургский Военно-революционный комитет (ВРК), скорее всего, смотрел сквозь пальцы — слишком велика была его заслуга в установлении Советской власти на Южном Урале. Известный историк Л.И. Футорянский также не отрицает мнения ряда историков о «порою аморальном облике» некоторых советских отрядов в Оренбурге.

В этой связи представляется необходимым упомянуть, что в литературе, вышедшей в период перестройки, факты вандализма в отношении памятников культуры, имевшие место в 1918 году, представляются чуть ли не санкционированными большевистскими властями. Однако, как свидетельствуют документы, нельзя смешивать действия полуграмотной вооружённой массы с политикой большевистского правительства и местных властей. Л.И. Футорянский, приводя факты красного террора, доказывает, что он далеко не всегда носил партийный характер, чаще всего проявлялся стихийно,

рядовыми участниками событий, ...действовавшими «по-пленейски». Думается, что данное заключение можно отнести и к террору в отношении культурных ценностей. Ведь памятнично-охранное законодательство было создано только при советской власти.

Да и сам А.В. Попов понимал это и не переносил своего негодования бесчинствами красногвардейцев и матросов на их партийных руководителей. В одном из документов он даже Дутову советовал различать, когда «речь идёт об идеологах большевизма», а когда — «о красноармейских бандах, грабивших и разрушавших всё, что попадало под руку».

Уже в период деятельности ВРК в Оренбурге по его распоряжениям в ОУАК передавались предметы бывших учреждений после обысков и реквизиций. Работа Архивной комиссии стала особенно напряжённой в связи с деятельностью Ликвидационной комиссии, решениями которой упразднялись учреждения прежней власти, и Попову приходилось только успевать «подбирать» их архивы. Так, в ОУАК были приняты: архив Губернского статкомитета, который до этого так и продолжал храниться в лавках Гостиного двора, архив дирекции народных училищ, Ташкентской железной дороги и др. В ряде случаев бывшие хозяева, понимая ценность оставляемых документов,

сами обращались к председателю ОУАК. Так, командир 104 пехотного запасного полка направил прошение Попову: «Ввиду полной ликвидации полка прошу спешно принять дела штаба». Член Временного Совета Войска Оренбургского М.П. Копытин обратился к председателю Комиссии с просьбой принять в музей предметы, реквизированные при обыске помещения штаба, став инициатором соответствующего распоряжения ВРК.

Более организованный характер работа по сохранению документальных фондов приняла с апреля 1918 года. К этому времени ОУАК уже имела информацию о позиции РАН в отношении Советской власти и, соответственно, об отношении большевистского правительства к науке и культуре.

Как свидетельствуют данные ГАОО, 1 апреля в Оренбург приехал научный сотрудник Академии наук — в то время секретарь Этнографической комиссии РАН — С.И. Руденко. С А.В. Поповым его связывало многолетнее сотрудничество, в частности, по совместному исследованию археологических памятников Оренбуржья. Он выступил на общем собрании ОУАК. Посланник РАН, в частности, сообщил: «Когда Советская власть восторжествовала в Петрограде, то она отнеслась с полным уважением к науке, что было плодом категорического заявления Академии наук о том, что она

не вмешивается в политическую борьбу, требует уважения к себе, как независимой области жизни и объявляет науку автономной. Большевики признали автономию Академии и других высших учёных и учебных заведений Петрограда, а затем эта автономия распространилась на провинциальные научные учреждения».

С.И. Руденко прибыл в Оренбург с поручением от Академии наук. Ещё в середине 1917 года приступила к работе Комиссия РАН по изучению племенного (национального) состава населения России (КИПС). Инициатором её создания и председателем был С.Ф. Ольденбург. В её работе приняли участие видные филологи и историки — слависты и востоковеды, в частности В.В. Бартольд, Н.Я. Марр, А.А. Шахматов. Комиссия начала историческое, этнографическое, статистическое и экономическое исследование разноплеменного и многоязычного населения России. Через С.И. Руденко КИПС обратилась в Оренбургскую УАК с просьбой взять на себя составление этнографической карты Оренбургской губернии, материалы для которой, по сведениям РАН, имелись в архиве губернского правления в виде переписных карточек первой народной переписи 1897 года. Несмотря на чрезвычайные условия своей работы в Оренбурге, Архивная комиссия «охотно взяла на себя выполнение просьбы Академии наук».

На этом же общем собрании ОУАК 1 апреля 1918 года председатель А.В. Попов доложил о распоряжении Союза Российских архивных деятелей, состоящем при РАН: председатель Союза академик С.А. Лаппо-Данилевский поставил в обязанность архивным комиссиям «своевременно принимать меры к охране архивов учреждений, закрываемых ныне в революционном порядке». Уже на следующий день, 2 апреля решение общего собрания ОУАК о необходимости передачи ей наиболее ценных архивов А.В. Попов довел до сведения Оренбургского Губисполкома Совета рабочих, крестьянских и казачьих депутатов. В своём обращении он, в частности, указал на опасность уничтожения архивов губернского правления, губернского присутствия и бывшего Губернского жандармского управления, которые вследствие закрытия выше-названных учреждений остались без всякой охраны, «между тем как они имеют большое научное значение не только вообще, но и для изучения дореволюционного периода истории России».

Несмотря на полное отсутствие у Комиссии средств, о чём упомянул Попов, ОУАК обратилась в Исполнительный комитет с ходатайством об издании по всей губернии распоряжения о том, чтобы в случае закрытия какого-либо учреждения, оно сносилось по вопросу передачи своего архива с Оренбургской

архивной комиссией. Кроме того, общее собрание постановило просить передать Комиссии архивы губернского правления и губернского присутствия со штатами служащих и суммами, ассигнованными на текущий год на их содержание.

На следующий день, 3 апреля Попов пытается решить вопрос о выделении средств на составление этнографической карты и обращается к «господину» председателю Оренбургского Совета рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов с пометкой: «в Президиум». Ссылаясь на обращение к ОУАК Комиссии по изучению племенного состава России, состоящей при РАН, и смету, составленную совместно с секретарём КИПС Руденко, он просит отпустить указанную сумму (1 800 рублей). Другое ходатайство он направляет в Губернский Комиссариат народного просвещения, указывая, что «составление этнографической карты Оренбургской губернии имеет почти исключительно местное значение, как-то для целей образования (Родиноведение в школьной сети и т.п.), проведения различных реформ сообразно бытовым особенностям населения». В связи с этим Попов просит Комиссариат «исхлопотать» перед исполкомом упомянутую сумму для выполнения данной работы.

Однако первые дни апреля, как известно, были трагическими

для советской власти в Оренбурге. 2 апреля погиб председатель губисполкома С.М. Цвиллинг, в ночь с 3 на 4 апреля был совершён налёт на город бело-казачьих частей. Проводилось ускоренное формирование как красных, так и белых частей — на Южном Урале начиналась гражданская война. В этой обстановке внимание Губисполкома было сосредоточено, прежде всего, на том, чтобы удержать Оренбург в своих руках. В связи с этим все ходатайства А.В. Попова оставались без ответа.

Однако и спасение архивов в условиях надвигавшейся угрозы не терпело отлагательства. В оренбургском архиве был обнаружен текст телеграммы, который передаёт полное отчаяние председателя ОУАК: «Петроград. Президенту академии наук ... Карпинскому. Оренбургский губернский Совет рабочих, крестьянских, казачьих депутатов не удостоивает ходатайств Учёной архивной комиссии. Музею, архивам угрожает гибель. Этнографическая карта не составляется. Покорнейше прошу неотложного содействия. Председатель Комиссии Попов. Копия — академику Лаппо-Данилевскому, председателю Союза русских архивных деятелей».

Наконец дело сдвинулось с мёртвой точки — и А.В. Попову был передан архив бывшего Губернского управления, работа с которым была необходима для выполнения поручения

РАН. Однако перед ним стояла и другая проблема. В связи с непрерывно идущим в ОУАК потоком архивных дел различных ведомств и учреждений дореволюционного Оренбуржья, их негде было хранить. А.В. Попов в одном из своих обращений к властям писал, что «с упразднением в настоящее время многих учреждений прежней правящей власти в Центральный исторический архив Комиссии поступает множество дел, которые некуда деть за полным отсутствием места в помещении архивной комиссии на берегу Урала». Кроме того, опека Архивной комиссии не гарантировала их безопасности — от погромов, пожара и т.п.

Между тем, включив ОУАК в систему новых советских учреждений, местные власти стремились переложить на неё ответственность за сохранность архивов и иных ценностей, поступивших в Комиссию. Так, Ликвидационная комиссия потребовала отчёт (справку) о действиях ОУАК по охране архивов. Представляя такую справку, председатель Комиссии отмечал, что один архив губернского правления включает в себя до 100 000 дел, а общее их число уже превысило 300 000 — эти материалы составляют «важное государственное и научное достояние, требующее внимания со стороны правительства». Но, когда в апреле 1918 года А.В. Попов обратился в Комиссариат трудового казачества с просьбой

предоставить ОУАК пустовавшее здание бывшей Знаменной избы, то получил отказ, мотивированный тем, что помещение занято «частью дел Комиссариата».

Башкирский исследователь Э.Р. Хасанов отмечает, что советской властью ОУАК было передано здание Гауптвахты и выдана субсидия от Наркомпроса в размере 7 783 руб. Однако указанным решениям предшествовали неоднократные ходатайства А.В. Попова. Ещё 23 февраля 1918 года председатель ОУАК обращался в Оренбургский Отдел по квартирному довольствию войск, который занимал здание Гауптвахты, с просьбой передать его Архивной комиссии. 17 апреля он писал уже в Губисполком: «Комиссия покорнейше просит о скорейшем разрешении в благоприятном смысле её ходатайств перед Исполнительным Комитетом о передаче ей здания Гауптвахты». Далее председатель напомнил, что здание было специально построено для архива, ссылаясь на исторические факты, связанные с деятельностью губернатора Перовского, а также многолетние попытки ОУАК получить его до революции. По сути, в своём обращении Попов поместил своеобразный историко-просветительский очерк об истинном назначении одного из памятников архитектуры XIX века и тех мытарствах, которые претерпела Архивная комиссия при старом режиме.

22 апреля он отправляет письмо-ходатайство Союзу архивных деятелей о выдаче денежного пособия. В нём он сообщает: «В ведении Архивной Комиссии находится обширный исторический архив, помещённый в казённом, отведённом в пользование Комиссии, здании... Нужды по зданию Архивная Комиссия удовлетворяет из своих специальных, крайне скудных средств, благодаря чему её научная деятельность — составление и описание дел архива, разборка дел и т.п. — совершенно остановилась... В текущем 1918 году Комиссия совершенно не в состоянии содержать этот казённый дом, т.к. цены на всё крайне выросли. Например, ранее город за 1000 вёдер воды взимал 86 к., теперь же — 7 р. 50 к., дрова стоили 5-7 р. сажень, теперь — 35-40 р., перевозка одной сажени стоила 2 р., теперь — 15-20 р. и т.д. Ввиду изложенного Архивная комиссия просит исхлопотать ей на вышеуказанную цель кредита на 1918 год с января месяца в размере 1200 р. в год». Союз Архивных деятелей отправил ходатайство ОУАК в Главное управление архивным делом, сопроводив его резюме за подписью Лаппо-Данилевского: «Союз... со своей стороны всемерно означенное ходатайство поддерживает».

Усилия Попова увенчались успехом. В мае 1918 года под музей, библиотеку и архив Комиссии было передано здание

Гауптвахты. Тогда же он с энтузиазмом составил смету работ и материалов на устройство музея на семи листах. От Наркомпроса была получена денежная субсидия.

Немалую роль в принятии этих и других решений, направленных на оказание помощи ОУАК, сыграл губернский комиссар просвещения Карим Абдрауфович Хакимов. Он был, пожалуй, самым образованным членом Оренбургского исполкома. Прекрасно зная русский язык, он изучил и многие восточные языки — тюркский, арабский, фарси, что позволило впоследствии использовать его на дипломатической работе. И по долгу службы, и по образовательному уровню оренбургский комиссар просвещения лучше других понимал значение деятельности архивной комиссии и стал для Попова неизменным покровителем во всех его ходатайствах в Исполнительный комитет. Учебное отделение Оренбургского совдепа по инициативе Хакимова передало архивной комиссии гарнизонный архив «с условием свободного доступа (к нему) членов отдела».

Исполняя декрет СНК «Об охране библиотек и книгохранилищ» от 21 июня 1918 года, Хакимов взял под свой контроль городскую библиотеку, а её заведующему А.А. Крафту отдал распоряжение передать дела и отчёты просветительского Комитета попечительства о народной

трезвости в архив ОУАК. При его участии было дано «соглашение» Исполнительным комитетом, и архивной комиссии удалось наконец получить архив упразднённого Губернского жандармского управления.

Неожиданные препятствия возникли со стороны Комиссариата по национальным делам, который не отдавал архив без письменного разрешения Исполнительного комитета. Это разрешение на прошение ОУАК от 17 апреля А.В. Попов получил только 19 мая, хотя уже 18 мая жандармский архив был вывезен. Думается, что благоприятный исход наступил благодаря вмешательству К. Хакимова, который ещё 26 апреля отправил сообщение в Комиссариат по делам национальностей о том, что «к получению ОУАК архива, находящегося в здании Караван-Сарая ... препятствий не встречается».

18 мая 1918 года Хакимов дал своё согласие на выделение 1 800 руб. для работы над этнографической картой, наложив на переписку по этому вопросу резолюцию — «К исполнению» — и препроводив её в президиум Исполкома. Мы видим, что губернский комиссар народного образования поддерживал стремление председателя ОУАК превратить Архивную комиссию в своеобразный центр сосредоточения исторических и документальных фондов, что соответствовало в целом политике Совнаркома

по проведению национализации культурных и исторических ценностей.

Таким образом, «трогательный архивный героизм» А.В. Попова, проявленный им по спасению ценных фондов Оренбургского края, встретил понимание советской власти. К лету 1918 года между ОУАК и Исполкомом установился контакт: Архивной комиссии после неоднократных ходатайств её председателя были переданы архивы и созданы условия для работы путём предоставления денежных субсидий и помещения.

В этой связи следует отметить, что инициатива Попова и поддержка её местной властью и, прежде всего, губернским комиссаром просвещения К. Хакимовым, во многом опередили соответствующие декреты советского правительства. Так, декрет «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» был подписан Лениным только 1 июня 1918 года. Этим распоряжением создавался единый Государственный архивный фонд (ГАФ) РСФСР из архивов бывших правительственных учреждений. Несмотря на то, что судьбу местных архивов решил декрет от 31 марта 1919 года «О губернских архивных фондах», уже в первом декрете затрагивался вопрос о деятельности ГУАК.

«Губернские Учёные Архивные комиссии, — говорилось в нём, — и соответствующие им учёные общества вместе с их

музеями, библиотеками и другими культурно-просветительскими учреждениями переходят в ведение Главного Управления Архивным Делом, сохраняя свой внутренний строй и распорядок». Это решение объяснялось актуальностью проблемы спасения местных фондов и отсутствием квалифицированных специалистов, кроме деятелей ГУАК, которые могли бы с этим справиться. Деятельность А.В. Попова в 1917 – первой половине 1918 года соответствовала будущему постановлению 1 июня 1918 года.

В сентябре-октябре 1918 года были приняты декреты «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения» и «О регистрации, приёме на учёт и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений». Председатель ОУАК уже за несколько месяцев до их выхода, как мы увидели, проводил соответствующую работу.

Декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», принятый 20 января (2 февраля) 1918 года, объявлял национальным достоянием церковное имущество. А.В. Попов понимал, какая угроза нависла над одной из богатейших библиотек города – библиотекой Духовной семинарии. К 1917 году в ней имелось 3 343 тома книг и 2 088 томов периодических изданий. Кроме этих книг,

образовавших фундаментальную библиотеку, семинария располагала «противораскольничьи» книгами (226 названий) и «противомусульманскими» изданиями (1 429 томов). Раритетами были старопечатные раскольничьи книги. Попов стал инициатором передачи библиотеки архивной комиссии.

Это обстоятельство послужило причиной его конфликта с Н.М. Чернавским – автором знаменитого труда «Оренбургская Епархия в прошлом её и настоящем» (1900, 1903). Николай Михайлович Чернавский состоял членом ОУАК с 1889 года и почётным членом – с 1907 года. В 1918 году он занимал должность инспектора Оренбургской духовной семинарии. Помимо этого Чернавский являлся редактором «Оренбургского общественно-церковного вестника», выходявшего с 1 апреля 1917 года взамен «Оренбургских Епархиальных ведомостей». Газета, как он позже оценивал её в автобиографии, «была беспартийной, но стояла на республиканской платформе и вообще носила передовой и либеральный характер».

Противостояние с председателем архивной комиссии стало достоянием общественности уже после восстановления в Оренбурге власти Дутова. В июле 1918 года в «Оренбургском общественно-церковном вестнике» была помещена заметка «К реквизиции семинарской

библиотеки». По понятным причинам публикация носила односторонний, субъективный характер.

Тем не менее, в книге «Мученики и исповедники Оренбургской Епархии» один из авторов — М.П. Сушкова, используя эту публикацию, обвиняет А.В. Попова в вандализме и в преследовании корыстных целей при изъятии семинарских книг. Между тем, как следует из указанной заметки, Попов обратился к Чернавскому ещё 10 мая, т.е. более чем за две недели до реквизиции. Однако его предупреждение о том, что на основании декрета от 20 января «О свободе совести...» семинария будет закрыта, и её здание могут занять большевики, а книги будут расхищены красноармейцами, М.П. Сушкова представляет как лицемерие.

Недооценка педагогическим советом семинарии и, прежде всего, самим Н.М. Чернавским, угрозы, нависшей над ценнейшим собранием книг, и спровоцировала, на наш взгляд, конфликт. Печальная судьба библиотеки Епархиального училища, разграбленной матросами и красногвардейцами, и планируемая большевиками передача помещения семинарии (ныне здесь располагается Кадетское училище) под высшую вольную школу, о чём стало известно Попову, заставили его действовать решительно. Всего лишь за день до приказа местных властей очистить здание (от 28 мая) —

27 мая А.В. Попов успел вывезти книги. В спешке эта реквизиция и сопровождалась «выламыванием» фундаментальных шкафов и другими повреждениями. Причём, спасти ему удалось только часть книг. На основании ордера Совета городского хозяйства за № 317 учебная библиотека была передана городу.

Архивные данные помогают восстановить истину и реабилитировать председателя архивной комиссии. Так, мы узнаём, что ОУАК приняла «историко-богословские книги из библиотеки бывшей Духовной семинарии» согласно распоряжению губернского комиссара по народному образованию К. Хакимова от 27 мая 1918 года за № 421. Книги были приняты без шкафов — поэтому лежали «грудой» на полу Гауптвахты и «портились». Из-за недостатка рабочих рук и транспорта правитель дел А.С. Лазов предложил перевезти книжные стеллажи на более короткое от семинарии расстояние — в здание Реального училища (ныне — школа № 30), где он работал преподавателем. Однако забрать их оттуда потом оказалось не так просто — требовалось специальное разрешение комиссариата народного просвещения. Туда Попов с Лазовым и обратились 21 июня.

Однако выполнить эту просьбу К. Хакимов не успел. Как известно, в это время в связи с развернувшейся интервенцией и отсутствием у большевиков сил

противостояния натиску белых, положение советской власти вновь осложнилось, и в исполнении уже обсуждались планы оставления города. 27 июня такое решение было принято. 2 июля 1918 года большевики оставили Оренбург, и председатель Архивной комиссии остался без своих — с таким трудом завоёванных — покровителей.

3 июля 1918 года в город вошли белоказаки, вскоре прибыл сюда и А.И. Дутов. 9 июля в ОУАК поступил запрос от педагогического совета Оренбургской духовной семинарии, подписанный товарищем председателя педсовета Чернавским (он исполнял теперь обязанности ректора). В нём в ультимативной форме содержалось требование немедленного возвращения председателем комиссии А.В. Поповым «книг, журналов, картин, шкафов и прочего имущества из семинарской библиотеки, против чего Семинарская администрация в своё время энергично протестовала».

Если следовать логике М.П. Сушковой, то реакция Попова на данный запрос представляется неожиданной: «Правление может получить во всякое время библиотечное имущество Семинарии, спасённое Комиссией от разгрома во время господства советской власти большевиков». Этот документ подтверждает, что председатель ОУАК во время реквизиции 27 мая не преследовал корыстных целей.

Единственно, о чём он просил, — это возместить расходы по перевозке. Причём речь шла не о тысячах, упоминаемых Сушковой, а о сумме порядка 250 руб.

Тем не менее, семинарское начальство почему-то не спешило, и А.В. Попов вынужден был уже сам настаивать на этом 20 июля. Его требование к правлению семинарии «немедленно вывезти означенное имущество» выглядит правомерным. Поскольку прежний хозяин восстановлен в своих правах, то и должен сам заботиться о сохранности своей собственности.

Одним из первых распоряжений новой власти был приказ за № 5/22, п.10 которого гласил: «Всякое имущество, как движимое, так и недвижимое, приобретённое незаконным путём во время управления советской власти должно быть немедленно возвращено законным владельцам». Данное требование сводило на нет всю ту работу по спасению архивов, библиотек, музейных ценностей, которая была проведена А.В. Поповым при большевиках. Понимая это, уже 6 июля председатель ОУАК направляет официальное письмо: «Г-ну Войсковому Атаману». Данный документ свидетельствует, что А.В. Попова в большей степени волновала не личная судьба — согласно приказам №2, №21, №22 он вполне мог предстать перед военно-полевым судом за сотрудничество с Советами — а судьба архивной комиссии и

сосредоточенного в её помещении имущества.

Мы можем предположить, что поводом для письма явилась жалоба Н.М. Чернавского. Так, А.В. Попов в первую очередь информирует новую власть о своих действиях во время реквизиции семинарской библиотеки: «Бывший губернский исполнительный Комитет Советов, считая, согласно декретов Советской власти, закрытым учреждение Духовной семинарии и не будучи в состоянии... охранить от расхищения библиотеку Семинарии красноармейцами, рассказывал (её) по разным учреждениям и в библиотеку Архивной комиссии передал часть книг... каковые и находятся в (её) помещении».

Далее он перечислил, какие культурные и исторические ценности, а также архивы собирались им лично «во время господства большевиков», и довёл до сведения войскового атамана, что всё это находится ныне в здании Центрального Исторического Архива Оренбургского края (зд. Гауптвахты). Последним председателем ОУАК стремился подчеркнуть (прописав все слова в названии с заглавной буквы), что в силу государственной и научной значимости руководимого им учреждения «пункт указа (о возвращении имущества законным владельцам — **Т.Т.**) не относится к вышеизложенным случаям поступления имущества в архивную комиссию».

А.В. Попов выказал озабоченность судьбой других библиотек города, которые пострадали «во время вторжения в город сначала матросов, а потом красноармейцев». Часть книг, как он пишет, была сожжена, а «в большей части — раскуплена частными лицами и в особенности местными букинистами», делая вывод, что книги так и остались в городе. В связи с этим он попросил войскового атамана издать «особый указ» о воспрещении перепродажи и вывоза книг из города, о временной конфискации их на станциях до осмотра — «нет ли на них знаков каких-либо библиотек — и о возвращении книг... в соответствующие учреждения по принадлежности или в библиотеку Архивной комиссии до выяснения (их) судьбы». Интересно заметить, что в пример он поставил соответствующие указы Советской власти.

Поражает осведомлённость председателя ОУАК, находящегося на «белой» территории, о мерах, принимаемых советским правительством в целях сохранения культурно-исторических ценностей. Как раз в это время, как свидетельствуют документы ГАРФа, в Народном Комиссариате Имуществ Республики шло обсуждение проекта декрета «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения». Обострение проблемы в связи с ростом потока эмиграции из Петрограда после

Брестского мира, заставляло Комиссариат торопить Совнарком с принятием декрета. 29 июня 1918 года в СНК было направлено письмо: «В виду катастрофического положения имуществ Республики художественно-исторического общегосударственного значения, просим СНК в срочном порядке рассмотреть прилагаемый декрет (о запрещении вывоза) в целях предупреждения дальнейшего расхищения».

А.В. Попов выразил беспокойство и по поводу остатков библиотеки и музея Рымникского полка, находящихся временно в здании Губернской Земской управы — «возможно, что они будут небрежно выброшены оттуда как предметы, совершенно чуждые Управе и пропадут» — и попросил разрешения взять «означенные» предметы в музей Архивной комиссии.

Убедительные аргументы председателя ОУАК возымели действие только спустя почти два месяца. И то — только потому, что Комитет уполномоченных от членов Учредительного собрания, располагавшийся в Самаре, 10 августа принял специальное постановление «По ведомствам народного просвещения и внутренних дел». 31 августа в «Оренбургском вестнике комитета уполномоченных от членов Учредительного собрания» (1918, № 22) оно было опубликовано. В нём содержалось требование «в целях прекращения и предупреждения наблюдающихся

хищений памятников революции, старины и культуры» принять экстренные меры по их охране. Все указанные памятники, «охрана которых в месте нахождения затруднена» или же «владельцы которых не установлены», подлежали передаче «на временное хранение в местные музеи, учёные архивные комиссии и т. п. учреждения». Виновные в хищениях привлекались к уголовной ответственности.

Однако дальше публикации этого постановления войсковое правительство в Оренбурге, по-видимому, не пошло. Новой власти было не до сохранения культурных и исторических ценностей. 15 сентября от коменданта города последовал приказ: «Срочно освободить помещение гарнизонной гауптвахты, так как таковое необходимо для чинов караула». Следует заметить, что к этому времени Попов уже успел сделать ремонт здания, очевидно стремясь израсходовать деньги, выделенные большевиками, пока их не отнял Дутов или «не съела» инфляция. Только на ремонт крыши и водосточных труб ушло 494 рубля, а на исправление башенных часов — 1 270. Всё имущество комиссии: сотни тысяч дел, тысячи томов книг, музейные экспонаты были вывезены в здание Караван-Сарая. Но и оттуда их тоже выдворили, «так как необходимо было разместить караульную роту для охраны Правительства Башкирии». С сентября 1918 года

Попов снимал для архивной комиссии квартиру в доме Батракова по Артиллерийскому переулку, израсходовав на наём помещения и жалованье служащим, а также на подводы и извозчиков для многократных переездов остатки денежных средств.

Между тем, новая власть, отказав в помощи и поддержке, требовала от него исполнения своих запросов. 9 октября, например, от Военского начальника Мануйлова (фамилия неразборчиво) последовал приказ «сообщить, где находятся дела и книги вверенного (ему) управления и коменданта города, вывезенные из здания Гауптвахты?»

Тяжёлые испытания выпали на долю А.В. Попова в 1917-1918 гг. Тем не менее, не задумываясь, он взял на себя личную ответственность за судьбу культурного наследия Оренбуржья. Ради этого Александр Владимирович вынужден был сотрудничать то с «красной», то с «белой» властью, взывая попеременно то к тем, то к другим. По традиции разводить героев истории по разным политическим лагерям, зададимся и мы вопросом: каковы же были его идейно-политические убеждения? Ю.С. Зобов был склонен видеть у него до революции проявление интереса к марксизму. Некоторые молодые исследователи вообще причисляют его к «социалистам». Современный оренбургский исследователь, однофамилец Александра

Владимировича, Попов В.Б. установил, что с 1909-го по 1913 гг. он являлся председателем оренбургского отделения партии «октябристов» — «Союза 17 октября и примыкающих к нему обществ». Как свидетельствуют приводимые документы, «с приходом нового председателя, политика местного отдела «Союза 17 октября» приобрела новую направленность» и активизировалась. Однако в 1912 году в связи со снижением электоральной активности и расколом в думской фракции «Союза» деятельность местного отделения сошла на нет — и А.В. Попов писал лидеру «октябристов» А.И. Гучкову: «На победу октябристов и вообще центра нельзя было рассчитывать ранее, тем более нельзя в будущем...» А в 1913 году в списках отделов «Союза 17 октября», напротив оренбургской группы была сделана приписка: партия упразднена. Очевидно, с этого времени Александр Владимирович отошёл от политической деятельности и всецело посвятил себя Архивной комиссии.

В ГАОО был обнаружен документ, наиболее полно раскрывающий позицию председателя ОУАК после 1917 года. Условно он назван «Об отношениях Архивной комиссии и большевиков». И хотя под рукописью не стоит подписи Попова, по содержанию очевидно, что текст написан им. Скорее всего, это — своеобразная объяснительная,

которую А.В. Попов предоставил Дутову во второй период его господства в Оренбурге по поводу обстоятельств сотрудничества с советской властью.

Прежде всего, очевидны принципиальность и смелость Александра Владимировича. Так, он говорит, что основанием для сотрудничества, а вернее, для использования помощи большевиков, были его «личные взгляды, которые (он) проводил на заседаниях Комиссии». Тем самым он сразу стремится отсечь от обвинений в пособничестве прежним властям своих товарищей по ОУАК. В то же время, подчёркивает А.В. Попов, для него была важной позиция Академии наук в отношении советской власти, которую он разделял.

Интересны его замечания по поводу взаимоотношения науки (к которой он причислял и себя, и руководимую им ОУАК) и политики: «Наука стоит вне каких бы то ни было партий и выше их; поле её деятельности гораздо шире политических платформ — это поднятие культуры, общих знаний, руководство учёными и учебными учреждениями. Работая на этом поприще, наука приносит, несомненно, больше пользы обществу, чем пропаганда политических теорий или борьба партий, ибо успешное применение политических теорий всецело зависит

от уровня культуры данного общества».

На этом основании он делает вывод, что какая бы партия ни стояла у власти, она обязана уважать (подчёркнуто им) науку. Далее Александр Владимирович намекает Дутову на непрочность его положения, указав, что в настоящее время «мы переживаем уже четвёртую власть, а может быть, наука переживёт ещё пятую власть, и счёт на этом не остановится. Какие же происходили бы пертурбации в составе библиотек, музеев, академий, университетов, если бы они сегодня симпатизировали одной власти, завтра — другой, а послезавтра — третьей? Ответ настолько ясен, — заключает он, — что даже в нашу русскую неумную революцию не много было попыток партийного вмешательства в жизнь науки».

След А.В. Попова в Оренбурге на этом теряется. По данным Ю.С. Зобова, он умер в 1918 году. Эта же дата до недавнего

12 мая 1918 года под музей, библиотеку и архив комиссии было передано здание бывшей гауптвахты.

времени значилась в описи личного фонда краеведа в ГАОО (№ 168), а также в «Оренбургской биографической энциклопедии» (с. 216). Однако в 1922 году в третьем выпуске «Трудов общества изучения Киргизского края» (Общество изучения Казахстана) появился некролог, написанный им в память о своём старом товарище по ОУАК — Армане Петровиче Гра, скончавшемся 31 декабря 1922 года.

В справочнике «Научные работники СССР», составленном Академией наук под руководством С.Ф. Ольденбурга в 1928 году, нами было встречено имя Александра Владимировича Попова (?), и.д. прозектора при кафедре паталогической анатомии Иркутского университета. Он — член совета Восточно-Сибирского отделения РГО, председатель секции палеоэтнологии. Круг его интересов обозначен, как патанатомия, археология, история, первобытные культуры.

Таким образом, совпали фамилия, имя и отчество, основная профессия, круг интересов и сфера научной деятельности. Однако самым обнадёживающим совпадением с Поповым — председателем Оренбургской архивной комиссии являлись указанные место и дата рождения: 4/XI — 1867 г. — Орск, Оренбургской губернии. Поиск продолжался в Архиве РАН в СПб. В фонде 155 (Документы научных работников СССР)

была найдена анкета А.В. Попова, заполненная 28 мая 1926 года знакомым почерком. В ней сохранились вышперечисленные сведения, но наиболее значимым результатом поиска был ответ на вопрос: «Перечень главных трудов» — «Холера 1829 — 1833 гг. в Оренбургском крае» (1910).

Таким образом, после того, как стало невозможным продолжать «дело всей жизни» — так он называл свою работу в ОУАК, когда его переизбирали на новый срок председателем в 1913 году — Александр Владимирович нашёл себя на новом поприще. Включившись в работу Восточно-Сибирского отдела РГО, он в 1926 году издал книгу, посвящённую истории Отдела. Эта книга была обнаружена в Российской государственной библиотеке (РГБ) в Москве. Обстоятельства, при которых он оказался в Иркутске, нам пока неизвестны.

Для понимания жизненного кредо А.В. Попова (служение науке и культуре) могут послужить его заключительные слова в некрологе А.П. Гра, которые можно применить и к самому Александру Владимировичу: «Мы не знаем последних лет его научной деятельности, но то, что протекло перед нашими глазами, даёт ему право на благодарную память потомства. Он служил познанию Родины, которое одно в состоянии привести людей к столь мучительно-искомому общему счастью».